

Стоило ему закрутить сальто, как в чате трансляции мгновенно утихли все споры. Секундное замешательство сменилось лавиной язвительных комментариев.

— Чу Цинюнь завидует тому, что Чжоу Чи в этом хорош? Ха-ха-ха-ха-ха!

— Боже мой, Сяомао меня с ума сведёт! Если у него такой талант, зачем он вообще предлагал замедленный повтор?! Он же и так гарантированно побеждал!

— Сяомао просто прелесть. Вечно ходит с видом «видеть вас всех не могу», а как доходит до дела, где у него явное преимущество, сам же требует справедливости для других. До чего же честный и милый парень.

— А по-моему, зря он предложил замедление. Даже с его хореографической базой правила не играли ему на руку. Выиграли-то те, кто уже летал на тросах. Сяомао, каким бы крутым он ни был, сегодня поднялся в воздух впервые. И сделал всё чисто на своей физике.

— Вы так легко верите, что он никогда не летал на тросах? Да наверняка тренировался где-то втихаря! И как только язык поворачивается отрицать, что ему просто подфартило?

— С каких это пор хорошая растяжка стала «везением»? Тут некоторые профи-танцоры пару раз в воздухе дернулись — так их фанаты до небес превознесли. А как дошло до Чу Цинюня, так сразу «везение».

— О господи, гляньте на Чжоу Чи! У него что, лицо перекосило?

Едва сбросив страховочные ремни, Чжоу Чи действительно не сумел сберечь дежурную улыбку. Скрывая досаду, он жестом подозвал Ху Имина, и они вместе выскользнули из репетиционного зала. Ноги сами понесли его в дальний туалет — привычное укрытие для конфиденциальных звонков.

От охватившей его паники Чжоу Чи даже забыл велеть Ху Имину покараулить у входа. Он судорожно вытащил смартфон и, едва дождавшись гудка, выпалил в трубку:

— Какого чёрта Чу Цинюнь умеет танцевать?! Почему я ничего об этом не знал?!

Ху Имин был уверен, что тот звонит Чжао И, но из динамика донёсся совершенно незнакомый голос. Сквозь шуршание динамика отчетливо слышался характерный стук перемешиваемых костей маджонга.

— Да умеет он, умеет, — лениво ответил собеседник. — Только он же перед самым поступлением с нуля учиться начал, толку-то с этого? А что стряслось? На вашем шоу теперь ещё и танцевать заставляют?

— Если пропахать пару лет без продыху, вполне можно выжать такой результат, — пробормотал Чжоу Чи.

Он завершил вызов. Глаза его лихорадочно блестели, а веки покраснели от подступающих слёз. Заметив его состояние, Ху Имин поспешил вмешаться:

— Брат Чи, не вешай нос. Мы-то профессионально танцуем уже четыре года, да и с тросами работать умеем. Не думаю, что мы уступим ему в гибкости.

— Брат Имин...

Голос друга заставил Чжоу Чи опомниться. Чёрт, он ведь совсем потерял голову от злости и паники! Поспешно взяв себя в руки, он выдавил виноватую улыбку:

— Да, я понимаю. Просто он раньше никогда не заикался о танцах, да и двигался вечно как деревянный. Вот я и растерялся от неожиданности.

— Но он же окончил Академию кинематографии, — пожал плечами Ху Имин. — На вступительных все сдают сценическую пластику, так что основы у него по-любому есть. Это в порядке вещей. Не накручивай себя, с твоей подготовкой у тебя отличные шансы обойти его.

Ху Имин находил реакцию друга избыточной. Ладно раньше, когда Чу Цинюнь откровенно травил его на каждом шагу — тут обида и злость были оправданны. Но сейчас-то перевес сил объективно на их стороне. Стоило ли так паниковать из-за того, что соперник оказался чуть пластичнее, чем казалось?

Чжоу Чи натянуто улыбнулся и кивнул, старательно пряча глухое раздражение.

"Шансы обойти? Да плевать мне на шансы!"

Чу Цинюнь улетел по очкам так далеко, что догнать его обычным путем нереально. Чжоу Чи требовались не просто хорошие оценки — ему нужна была сокрушительная, разгромная победа. Такая, чтобы разом растоптать и этого выскочку, и Шао Жаня, оставив всю массовку далеко позади. Если они получают примерно равные баллы, Чу Цинюнь так и продолжит сидеть на вершине рейтинга, поплеывая на него сверху вниз.

Выпроводив Ху Имина караулить у дверей под предлогом того, что их могут засечь операторы, Чжоу Чи судорожно набрал номер своего агента:

— Брат Чжао...

— Сяо Чи! — встревоженный голос Чжао И в трубке подтвердил, что тот не отрывается от

экрана. — Откуда у Чу Цинюня хореографическая база? Ты же уверял, что он полный ноль в этом!

— Я... я сам без понятия... — пролепетал Чжоу Чи и вдруг жалобно всхлипнул, давая волю слезам.

— Сяо Чи, ну же, не плачь, маленький мой. Это моя вина, только моя. Я так спешил пропихнуть испытание, в котором ты как рыба в воде, что совсем забыл проверить подноготную этого мерзавца.

— Ты не виноват, Брат Чжао, — сквозь рыдания выдавил Чжоу Чи, искусно нагоняя тоску в голос. — Тебе и самому сейчас в агентстве несладко, не надо ради меня ни перед кем унижаться и просить. Я ведь тоже не знал про его прошлое... Но послушай, даже если он учился перед поступлением, за четыре года простоя тело должно было всё забыть! Брат Чжао, может, у него и впрямь амнезия? И из-за этого мышечная память вытащила старые навыки наружу?

— Но четыре года назад ему едва исполнилось семнадцать. Откуда у зеленого пацана взяться такому актерскому мастерству?.. — Чжао И на том конце провода крепко задумался, строя догадки. Жалобный плач Чжоу Чи отзывался в его сердце острой болью.

— Не плачь. С этим туром мы уже ничего не переиграем, так что просто выложись по полной. Обо всем остальном я позабочусь, — Чжао И скользнул взглядом по судебной повестке, которая пылилась на его столе уже почти месяц, и с яростью скомкал плотную бумагу. — Я не позволю тебе проиграть.

Четвертый раунд начался строго по расписанию, несмотря на дружный стон отчаяния, прокатившийся по рядам участников — правила менять никто не стал.

Зрители, прекрасно знавшие об «успехах» большинства конкурсантов на репетициях, не ждали от эфира чудес. И хотя сценаристы проекта в очередной раз облажались с форматом, монтажеры со своей задачей справились на совесть, собрав полноценные ролики для каждого. Живой аудитории в студии на этот раз не было, так что за уморительными кадрами наблюдали зрители трансляции, трое постановщиков трюков, преподаватель актерского мастерства Ли и сами актеры, уже вернувшиеся со съемочной площадки.

На экране развернулась живописная панорама: окутанная легкой дымкой бамбуковая роща. Облаченные в лиловые даосские робы герои с расшитыми тыквами-горлянками на поясах и белоснежными мухогонками-фучэнь в руках оказывались в кольце врагов в простых холщовых одеждах. Приспешники главного злодея с ходу выкрикивали заученную угрозу:

— Даоист Линсяо! Живо отдай духовную жемчужину, если хочешь сохранить жизнь!

Главный герой смерил нападавших ледяным взглядом:

— Дерзость!

После этого он широко раскидывал руки и, словно на невидимом лифте, абсолютно деревянно взмывал ввысь. Это был Чэнь Сяоди, чье лишнее гибкости тело могло удерживать баланс на тросах только в позе натянутой струны.

На следующем кадре герой закручивал сальто, но приземлялся с нелепым креном, едва не подворачивая ногу. Это Сун Сюйян — парень прилично подготовился, но от волнения запорол дубль прямо перед камерой.

После короткой экранной потасовки герой отталкивался от плеча противника, вновь взмывал в воздух и, плавно закручивая спираль, зависал над землей, раздавая удары ладонями. Опытный Ху Имин отработал сцену чисто, без грубых ляпов, если бы не одно «но»: во время парения полы его шелкового халата задрались, обнажив коротковатые и плотные бедра, что напрочь лишало кадр всякой эстетики.

А вот несчастный, который на максимальной высоте висел с подкосившимися ногами и бледным лицом, пока его медленно спускали на землю, силясь не забыть реплики — это был Шао Жань, до полусмерти боявшийся высоты, но преодолевший себя ради кадра.

При виде этих кинематографических «шедевров» все присутствующие в зале, кроме четырех судей, уже едва не катались по полу от хохота.

— Ну и убожество. Они три дня на это угробили?

— Да ладно вам, вопросы тут к сценаристам. Идиотский сюжет, дурацкие правила.

— Ха-ха-ха-ха! Я сейчас лопну от смеха! Линсяо поднялся в небо, чтобы подмести там облака? Где его былая крутизна?!

— Шао Жань — боец, моё уважение. Наверху у него аж глаза закатывались, а спустился — и продолжил драться. Снимаю шляпу перед его мужеством!

— Сяомао опять вытащил последний номер. Слава богу, у него есть талант, а то я бы решила, что парня намеренно сливают.

— Боже, Ху Имин! Почему в обычной одежде он такой красавчик, а в историческом костюме выглядит как недоразумение? Ору в голос!

— Будем честны, парни в этом раунде выступили гораздо хуже девчонок. Девчонки порхали

как ласточки!

Тройка главных претендентов на победу по воле случая закрывала показ.

Тан Цзинъи, с раннего детства занимавшийся традиционным ушу, идеально вписался в образ невесомого, парящего над бранным миром бессмертного. Он практически безупречно воспроизвел оригинальную боевую хореографию сцены, сорвав от судей четыре оценки выше девяноста баллов.

Чжоу Чи, уступавший соперникам в росте и привыкший к амплу улыбчивого айдола, в широком историческом одеянии смотрелся блекло — костюм на нем откровенно висел. В бою он сделал ставку на излишнюю прыгучесть и легкость. Постановщики трюков оценили его прыжки в девяносто баллов, но преподаватель актерского мастерства Ли остудил его пыл:

— Это драматическая сцена, а не цирковое шоу на канатах. Где величие и монументальность бессмертного мастера, возвышающегося над мирской суетой? Увы, за саму актерскую игру я могу поставить тебе лишь восемьдесят баллов.

Столь нелестный вердикт моментально спровоцировал лавину проклятий в чате от «Прудов» — преданных фанаток Чжоу Чи.

Чу Цинюнь нашел это зрелище невыносимо унылым.

"И ради этого стоило так изворачиваться, чтобы выцарапать второе место?"

От одной только мысли о том, что глупый переселенец в книгу умудрился проиграть в его теле столь серой бездарности, становилось тошно. Собственный профессиональный уровень словно грубо опустили до этой дешевой планки.

Наконец на экраны вывели ролик Чу Цинюня.

Зрители уже успели засмотреть оригинальный эпизод до дыр во время тренировок, так что интриги не оставалось никакой. Многим это зрелище даже начинало приедаться.

Поначалу формат кастинга казался многообещающим, однако на деле переигрывание давно известных сцен превратилось в конвейер однотипных копий. Предыдущие конкурсанты выступили по-разному: кто-то провалился с треском, кто-то справился вполне сносно, но к моменту выхода Чу Цинюня публика не ждала от экрана никаких откровений.

И всё же, стоило Чу Цинюню появиться в кадре, как чат взорвался восхищенными вздохами.

Было в этом нечто мистическое. Айдолы вроде Чжоу Чи и Ху Имина смотрелись ярко и стильно

на сцене в своих современных сценических нарядах. Но стоило облачить их в традиционные китайские одеяния, как вся магия испарялась. Нельзя сказать, что они выглядели уродливо, но фальшь и чужеродность резали глаз — сразу становилось ясно, что перед вами дилетанты, абсолютно не соответствующие типу.

Чу Цинюнь тоже обладал редкой, утонченной красотой. Однако кем бы он ни становился — юношей из провинции Тай в «Агенте под прикрытием», строгой учительницей в «Кровавой луне» или величественным божеством теперь, — его лицо мгновенно сливалось со сценическим образом. Он ни разу не дал зрителю повода усомниться в реальности происходящего.

Длинные белоснежные пряди у висков мягко очерчивали скулы, сливаясь с волосками зажатого под локтем фучэня. Насыщенный пурпур — цвет капризный и опасный, способный превратить благородную робу в дешевый балаган. Но на плечах этого юноши даосское одеяние дышало лишь надмирным величием, отрешенностью и божественным состраданием к смертным. Сама броская ткань словно теряла цвет, уступая место чистому духу персонажа.

И когда враги плотным кольцом обступили его, он не стал картинно кричать, как предыдущие актеры. Тонкие бледные пальцы плавно скользнули по мягкому хвосту фучэня, губы слегка сжались в намеке на гнев, но глаза оставались чистыми и неподвижными, словно он заранее предвидел исход этой суеты.

— Дерзость.

Легкий толчок мыском — и он невесомо взмыл над землей, закрутив идеальное сальто прямо в клубах искусственного тумана. В этом движении не было суеты, только царственная грация. Приземлившись за спинами опеших врагов, он замер — всё такой же безупречный и недостижимый для земной грязи.

— Что за?..

— Куда он делся?!

Пока массовка испуганно крутила головами, Чу Цинюнь резким взмахом фучэня раскидал противников. Белоснежные нити захлестнули шею одного из нападавших; сделав пируэт, актер взмыл вверх, увлекая врага за собой, после чего швырнул его на землю и нанес сокрушительный удар ладонью сверху вниз.

Под свист клинков и глухой рокот ударов, в вихре сухих бамбуковых листьев и клубах дыма грань между декорациями и реальностью стерлась. Кадр дышал мощью и эстетикой хорошего исторического кино.

В самом конце, когда все приспешники врага уже поверженными стонали на земле, он плавно опустился на каменистую почву, небрежным жестом встряхнул фучэнь и неторопливо,

размеренным классическим шагом удалился прочь.

Те же приемы, тот же сценарий, но совершенно иной уровень. Если после череды нелепых провалов выступление Тан Цзиньи вернуло зрителям веру в проект, то Чу Цинюнь подарил им настоящее визуальное пиршество.

Постановщик трюков при виде его финальной проходки восхищенно прищурился. В современном кино, даже в дорогих исторических дорамах, актеры напрочь разучились так двигаться. Шаги Чу Цинюня были твердыми, размеренными и величавыми. Дистанция каждого шага оставалась идеально равной, что рождало стойкое ощущение ностальгии по золотому веку классического кинематографа.

Судьи единогласно выставили ему оценки выше девяноста пяти баллов.

— Вы намеренно использовали этот шаг? — спросил преподаватель.

— Да, — спокойно кивнул Чу Цинюнь. — Это сугубо мое прочтение характера персонажа.

В оригинальной картине камера не брала ноги актера крупным планом, поэтому остальные участники, слепо копируя первоисточник, просто спешно уходили из кадра, не задумываясь о темпе и рисунке движения.

— В скорости ударов ты немного уступил Тан Цзиньи, но точность и пластика поражают, — добавил постановщик трюков. — И ещё, мне показалось, или ты немного поработал над силуэтом? Подложил накладку под одежду?

Услышав этот вопрос, остальные спохватились: действительно, Чу Цинюнь от природы был крайне худощав, но сейчас на съемочной площадке его фигура казалась шире и мужественнее. Эта крошечная хитрость с силуэтом мгновенно преобразила осанку, придав ей царственную мощь.

Преподаватель Ли, уже не скрывая восхищения, выставил ему рекордные девяносто девять баллов. Затем он развернулся к притихшим конкурсантам:

— Ребята, я занимаюсь с вами уже давно. И должен признаться, что сегодняшние показы меня разочаровали. Да, главная задача этого раунда заключалась в освоении трюков на тросах. Но вы же актеры! Даже если физика хромает, профессиональное чутье должно оставаться на месте. Нельзя слепо гнаться за красивой позой или скоростью, напрочь забывая о наполнении роли. В этом туре, за исключением Шао Жаня и Чу Цинюня, я не увидел ни у кого даже попытки проанализировать характер героя или сюжетный контекст. Завтра вы выйдете на реальные съемочные площадки, где у вас не будет готового образца для слепого копирования. Надеюсь, сегодняшние низкие оценки послужат для вас хорошим уроком.

Конкурсанты стояли, густо покраснев. Имея возможность воочию сравнить собственные нелепые метания с безупречным образом даоиста Линсяо в исполнении Чу Цинюня, они признавали его триумф безоговорочно.

Итоги раунда изрядно перетряхнули общую таблицу. Из-за жесткого трюкового испытания большинство фаворитов скатилось вниз с удручающими оценками: Шао Жань опустился на пятую строчку, Хэ Юэ — на седьмую, а Сун Сюйян оказался лишь десятым.

Чжоу Чи совершил рывок с шестого места на третье. Вторую позицию заняла актриса, игравшая с ним в прошлом туре роль евнуха. И лишь вершина осталась непоколебимой — там по-прежнему гордо высилось имя лидера.

Чу Цинюнь.

Он оторвался от преследователей с колоссальным разрывом, опережая второе место более чем на тридцать очков, а Чжоу Чи — на целых сорок. Стоило таблице на платформе обновиться, как чат трансляции буквально взорвался.

— Первый! Абсолютный отрыв! Наш Сяомао снова разрывает шаблоны! До чего же хорош!

— С такими раскладами финал предрешен. Ему чертовски везет.

— Откуда в комментариях эта чушь про везение? Вообще-то правила изначально давали фору Чжоу Чи и девчонкам. Если у кого-то руки кривые, при чем тут чужая удача?

— Господи, каждый раз, когда я боюсь, что прошлый образ Чу Цинюня слишком глубоко засел у меня в голове, он выходит и с размаху дает мне пощечину новым персонажем!

— Сяомао просто неземной! Не могу объяснить словами, но он кардинально отличается от всей этой толпы!

— Да потому что остальные просто хмурят брови и пытаются строить из себя крутых боссов. Даоист Линсяо отрекся от мирских чувств, он холоден, но в нем есть божественное величие и сострадание к людям. А остальные играют каких-то андроидов.

— Надеюсь, после этого тура ни у одного умника не повернется язык оспаривать звание MVP для Сяомао? Парень стабильно забирает все первые места.

— У меня ощущение, будто туман из видео сейчас повалит прямо из экрана телефона! Как можно настолько глубоко погружаться в роль даже в обычных боевых сценах?!

Зрители единодушно сходились во мнении, что актер растворился в роли без остатка. Лавина

восторженных комментариев росла с каждой минутой, привлекая на трансляцию случайных пользователей сети, что мгновенно взвинтило рейтинги шоу до новых высот.

Однако в режиссерской аппаратной атмосфера была далека от триумфальной.

Главный режиссер Фэн задумчиво крутил в руках свернутый трубкой сценарий, потирая заросший щетиной подбородок.

— Режиссер Фэн, — к нему осторожно приблизился помощник. — Из компании WD снова пришел запрос. Интересуются, какого черта Чу Цинюнь опять лидирует. Да еще и фанаты Чжоу Чи бунтуют, обвиняют нас в паршивом монтаже и поливают шоу грязью.

Фэн раздраженно фыркнул:

— Они сами заставили меня урезать время на репетиции. Их ненаглядный протеже сел в лужу, и теперь они пытаются сделать крайним меня? Это прямой эфир, черт бы их побрал, тут картинку на ходу не перерисуешь!

— Но... — замялся помощник.

— Режиссер Фэн, — подал голос генеральный продюсер, до этого молча сидевший в углу. — Господин Хо из WD владеет приличным пакетом акций платформы и выступает главным инвестором нашего шоу. Да и за Чжоу Чи стоит многомиллионная армия фанатов. Нам категорически нельзя ссориться с WD, сами понимаете.

— И ради этого мы должны превратить проект в унылое дерьмо? — вскипел Фэн. — Ты забыл, сколько помоев на нас вылилось после прошлого раунда? Если мы продолжим кромсать правила в угоду инвесторам, репутация шоу пойдет ко дну. На второй сезон никто даже цента не даст!

— В WD говорят, что в следующем туре менять правила не придется, — поспешно вставил помощник. — От вас требуется лишь закрыть на кое-что глаза. Процесс съемок пойдет своим чередом, и никто ничего не заподозрит.

«Закреть глаза...» Значит, опять планируют какую-то подлость за кулисами. Памятуя о мерзкой истории со связанными запястьями Чу Цинюня, режиссер Фэн заработал настоящий синдром ПТСР. Он мгновенно напрягся:

— Что они задумали? Это опять инициатива Чжао И?

Если бы за этим стоял Чжао И, они могли бы смело проигнорировать требование. В индустрии давно шептались, что WD списывает этого агента со счетов. Компания никак не комментировала слухи об его увольнении, так что все считали его отыгранной картой.

Помощник покачал головой:

— Нет, не он. Всё исходит сверху, от тех же влиятельных лиц из руководства...

В последние годы отечественные шоу талантов практически полностью перешли под контроль крупного капитала. Протеже богатых спонсоров нагло оттесняли действительно талантливых ребят, из-за чего посредственность вытесняла профессионалов. Победители без капли харизмы и навыков оказывались никому не нужны сразу после финала. Репутация жанра была безнадежно испорчена, а рейтинги неумолимо катились на дно.

Чтобы спасти карьеру, Фэн приложил титанические усилия: выбил финансирование у платформы и запустил шоу под лозунгом «Прямой эфир и абсолютная честность». Эта концепция мгновенно выстрелила. Но кто же знал, что в итоге проект всё равно затащат на ту же проторенную дорожку.

Фэн уставился на экран монитора, где замерло одухотворенное, отрешенное от мирской суеты лицо Чу Цинюня. На лбу режиссера пролегла глубокая морщина.

Глупо отрицать, что Чжоу Чи приводил за собой толпы фанатов. Но именно Чу Цинюнь создавал те самые яркие моменты и шедевры, из-за которых случайные зрители бросали дела и бежали смотреть эфир. Он тащил это шоу на своих плечах.

Настоящий и фальшивый наследники... Даже после того, как правда выплыла наружу, в их судьбах мало что поменялось. Один продолжал шествовать по усыпанной розами дороге, а второй выбивался из сил, барахтаясь на самом дне болотной жижи. Любой посторонний, глядя на эту драму, невольно проклинал бы слепую и жестокую судьбу.

Но... если таков закон жизни, что они могли изменить?

— Режиссер, — негромко напомнил помощник, — инвесторы ждут ответа.

После мучительного молчания Фэн тяжело, со свистом выдохнул:

—... Ладно.

<http://bllate.org/book/20480/2214619>